

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 910.3

ПРИГРАНИЧНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ
РОССИИ И КАЗАХСТАНА: ВЫЗОВЫ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА

© 2019 г. М. С. Карпенко

Институт географии РАН, Москва, Россия

e-mail: mike.ck@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.02.2018 г.; после доработки 09.08.2018 г.; принята в печать 21.09.2018 г.

В статье на примере регионов российско-казахстанского пограничья охарактеризованы вызовы приграничному сотрудничеству на основе анализа демографического, социо-культурного и экономического потенциала регионов российско-казахстанского пограничья. Показано, что, несмотря на заметные успехи евразийской интеграции, на региональном уровне наблюдается постепенное снижение потенциала сотрудничества. Демографические процессы и политика “казахизации” становятся причиной эрозии общего информационного и социокультурного пространства, которое в перспективе могло бы стать драйвером для интеграционных процессов на региональном уровне. В экономической сфере сотрудничество ограничивается, главным образом, эксплуатацией старого советского наследия — кооперационных связей между ограниченным числом промышленных предприятий преимущественно сырьевого профиля, а одним из основных драйверов современных экономических отношений выступает приграничная торговля. Геополитические вызовы, связанные с событиями на Украине, усилили негативные явления в сфере приграничного сотрудничества, став настоящим испытанием для Евразийской интеграции. Перечисленные факторы оказывают серьезное влияние на процессы приграничного сотрудничества, в ряде случаев способствуя дальнейшей дивергенции социально-экономического и социокультурного пространства в российско-казахстанском приграничье.

Ключевые слова: приграничное сотрудничество, вызовы, Россия, Казахстан, Евразийский экономический союз, интеграция, граница, потенциал, экономическое сотрудничество.

DOI: 10.31857/S2587-55662019124-36

Постановка проблемы. Межгосударственное сотрудничество России и Казахстана охватывает большинство направлений двустороннего сотрудничества, наиболее значимыми из которых следует признать экономическое и социокультурное. Среди факторов, способствующих сотрудничеству, следует отметить не только общность исторического развития, взаимопроникновение экономик, общность политических интересов, но и общие для двух стран интеграционные процессы.

Приграничным¹ регионам в рамках евразийского проекта отводилась особая роль. Предполагалось, что после отмены внутренних таможенных границ и начала формирования общего рынка их развитие окажет существенное влияние на укрепление экономических связей внутри Евразийского экономического союза [21]. Сегодня в большинстве научных публикаций констатируется, что эти ожидания

оправдались не в полной мере. На фоне декларируемых успехов евразийского проекта и общего потенциала сотрудничества результаты приграничного сотрудничества пока очень скромны, и приграничные регионы не смогли воспользоваться уже имеющимися плодами евразийской интеграции (свободой движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы), чтобы вывести его на качественно новый уровень.

Причины такого положения рассматривались многими авторами. Несовершенство нормативно-правовой базы и недостаток институтов и форм сотрудничества отмечается в работах Голунова С.В., Жундубаева М.К. [11, 13]. Недостаточный уровень развития трансграничных систем коммуникации, препятствующий развитию кооперации, рассматривался в работах Вардомского Л.Б., Голунова С.В., Колосова В.А., Себенцова А.Б., Зотовой М.В. [11, 20]. Специфика торгово-экономических связей приграничных регионов, а также особенности нетарифного регулирования внешнеторговой деятельности, препятствующих развитию цивилизованной трансграничной торговли, рассмотрены в работах Лимонова Л.Э., Анисимова А.М., Винокурова Е.Ю., Соколова А.А., Рудневой А.С. и других [7, 21, 29].

¹ В данной статье под “приграничьем” подразумеваются приграничные регионы (регионы, имеющие выход к линии государственной границы) и более дробные административно-территориальные образования — муниципальные районы.

При этом в современной литературе прослеживается двойственность подходов к изучению приграничного сотрудничества в условиях интеграции. Межгосударственные интеграционные процессы подробно рассмотрены в работах Кузьминой Е.М., Вардомского Л.Б., Пылина А.Г. и других [12, 26]. Работы, посвященные приграничному сотрудничеству регионов российско-казахстанского пограничья, с одной стороны, многочисленны, с другой, как правило, ограничены либо анализом нормативно-правовой базы и существующих форматов сотрудничества, либо проблемами сотрудничества на отдельных участках границы.

Основные задачи данной статьи — это, во-первых, анализ противоречия между хорошими стартовыми предпосылками для всеобъемлющей интеграции и весьма скромными результатами в области приграничного сотрудничества, а во-вторых — оценка ключевых вызовов приграничному сотрудничеству, ответ на которые только предстоит найти.

Эмпирическую базу исследования составили материалы национальных статистических служб России и Казахстана, данные ведомственной статистики, отчеты коммерческих компаний, региональные и национальные нормативные акты, характеризующие приграничное сотрудничество. Другим важным источником данных стали результаты экспедиционных исследований, проводившихся нами в 2016–2018 гг. в Омской, Челябинской и Оренбургской областях России, Актюбинской и Павлодарской областях Казахстана. В общей сложности было проведено более 60 интервью с представителями региональных и муниципальных органов власти, бизнес-сообщества, некоммерческих организаций и ряда иных структур.

Демографическая ситуация в пограничье: возможности и вызовы для сотрудничества. Один из важнейших факторов развития приграничного сотрудничества — демографический потенциал регионов приграничья, который во многом определяет динамику и структуру трансграничных контактов.

Совокупный демографический потенциал регионов российско-казахстанского приграничья немногим превышает 30 млн чел., что сопоставимо с такими странами, как Узбекистан или Малайзия. Здесь проживает около 1/6 российского и почти 1/3 казахстанского населения.

Территория российско-казахстанского пограничья (приграничные регионы России и северные районы приграничных с Россией областей Казахстана) еще с советского времени формировались в рамках единой системы расселения, располагая преимущественно в основной полосе расселения. Южные районы приграничных с Россией областей Казахстана,

в силу недостаточной зрелости сетей расселения и как следствие более низкой степени заселенности в целом, скорее, можно было бы отнести к южной зоне очагового расселения. Это определяет значительный перевес России в общей численности населения: ее доля превышает 80%. В казахстанской части приграничья проживает в 5 раз меньше населения, чем в российской — 5.6 млн чел. против 24.4.

Еще большими оказываются различия в средней плотности населения. В казахстанской части приграничья она колеблется от 2.7 чел./км² в Актюбинской до 6.1 чел./км² в Павлодарской области. Наименее заселенные территории приграничья — горные районы Восточно-Казахстанской области и западные районы Атырауской области, где плотность не достигает и 2 чел./км² [27]. В российской части пограничья такие низкие показатели плотности характерны только для Республики Алтай (2.3 чел./км²). В других российских регионах эти показатели в среднем выше (от 9.2 чел./км² в Тюменской области до 59.8 чел./км² в Самарской области) [28].

На районном уровне также наблюдается перевес России в численности населения: в ее пограничных муниципальных районах проживает около 2.1 млн чел., что составляет чуть более 8% от общей численности жителей российско-казахстанского пограничья. Людность приграничных районов Казахстана составляет только 1.15 млн чел., однако доля приграничных районов в общей численности населения гораздо выше — 20% (с учетом городов Риддер и Семипалатинск — 1.55 млн, или 27%).

Подобные различия объясняются эксцентричным положением областных центров в казахстанской части, сосредотачивающих значительную численность населения своих областей. Большинство из них (Уральск, Актобе, Петропавловск, Павлодар, Усть-Каменогорск) расположены близко к государственной границе и способствуют “удержанию” населения в приграничных с Россией районах. Так, в Костанайской области плотность населения в приграничных районах достигает 7 чел./км², в то время как в среднем по области она не превышает 5. Похожая ситуация наблюдается и в Восточно-Казахстанской области, где на приграничные районы приходится 48% населения. Здесь помимо областного центра (Усть-Каменогорск) в приграничье находятся сравнительно крупные города — Семипалатинск, Риддер и Зыряновск.

Исторические предпосылки предопределили ряд особенностей систем расселения. Их первооснову составили казачьи оборонительные линии, возникшие на южных и восточных рубежах Российской империи. В XVIII–XIX вв. Иртышская укрепленная линия положила

начало Омску, Семипалатинску, Павлодару (Коряковский форпост) и Усть-Каменогорску; Староишимская и Новая Ишимская линии – Кургану и Петропавловску; Оренбургская – Оренбургу, Уральску, Челябинску, Троицку, Соль-Илецку и Атырау [1, 22, 23]. Каждая из этих линий отражает историческое положение фронта между оседлым и кочевым населением, сплошным и очаговым освоением.

Железнодорожное строительство в начале XX в. и связанное с ним переселение крестьян, волны индустриализации и освоение целины в годы советской власти привели к еще большей поляризации осваиваемого пространства. Минерально-сырьевые богатства Казахского мелкосопочника, известные своими рудопроявлениями и месторождениями каменного угля, особенности земледельческого освоения, которое на юге было ограничено “сухой степью”, стали факторами, объясняющими эксцентриситет крупнейших городов казахстанских областей.

В результате важнейшие городские центры российско-казахстанского пограничья тяготеют к Основной полосе расселения и транспортным магистралям: Транссибирской – Челябинск, Оренбург, Курган, Петропавловск, Омск, Новосибирск и др.; Средне-Сибирской – Костанай, Кокчетав и др.; Южной-Сибирской – Новосибирск, Павлодар; Туркестано-Сибирской – Барнаул, Павлодар, Семипалатинск; и Оренбургско-Ташкентской – Оренбург, Актюбинск и др.

В настоящее время в казахстанской части пограничья насчитывается 35 городов, население лишь 10 из которых превышает 100 тыс. чел. Семь из них являются областными центрами с населением от 200–250 тыс. (Петропавловск, Атырау, Костанай, Уральск) до 300–400 тыс. чел. (Усть-Каменогорск, Павлодар, Актюбе). Два города – Рудный (115 тыс.) и Экибастуз (134 тыс.) официально относятся к категории монопрофильных промышленных центров. Еще один город – Семипалатинск – бывший областной центр, а ныне второй по численности город Восточно-Казахстанской области с населением около 318 тыс. чел.

Несмотря на сравнительно небольшую людность, казахстанские города выполняют функции центров сотрудничества, оказывая различные услуги населению и бизнесу не только своих областей, но и сопредельных территорий России. Решающую роль здесь играет небольшое расстояние до границы с Россией (Уральск, Актюбе, Семипалатинск), особенно если оно сочетается с выгодным транзитным положением (Петропавловск). Эти города во многом в силу этнического фактора сохраняют исторически сложившуюся ориентацию на

связи с Россией: здесь по-прежнему сильны родственные и культурные контакты с сопредельными российскими городами. Последние рассматриваются “казахстанскими русскими” в качестве рынка труда и как потенциальное место для переселения [3].

В российском приграничье городов с населением более 100 тыс. чел. насчитывается 26, из них пять – города-миллионники (Волгоград, Самара, Омск, Челябинск и Новосибирск). Они выполняют функции “организаторов” приграничного сотрудничества. Для российского и казахстанского бизнеса чрезвычайно важны их торговые, финансово-организационные и транспортно-логистические услуги, для жителей пограничья – культурно-образовательные и медицинские.

Вместе с тем потенциал сотрудничества пограничья, очевидно, не реализован в полной мере. Так, несмотря на определенное тяготение городских центров к российской границе, сдерживающим фактором для сотрудничества выступает недостаточное развитие пограничной и транспортной инфраструктуры, что на фоне больших расстояний и очередей на границе оказывается одним из главных вызовов для приграничного сотрудничества [20, 21].

Другая проблема – негативные демографические тенденции в пограничье, которые работают на снижение существующего потенциала сотрудничества. В российской части пограничья наблюдается быстрое сокращение населения, особенно в приграничной полосе. В казахстанской части демографические процессы приводят к изменению и этнокультурного состава населения: сокращению доли русских и повышению доли титульной нации (доля русских в казахстанской части приграничья с 1989 по 2016 г. сократилась в 1.6 раза, средний показатель по всем приграничным областям – 1.67) (рис. 1). Низкая рождаемость (средний коэффициент естественного прироста населения в казахстанской части приграничья – 9.7) и высокий миграционный отток (в период 1992–2000 гг.² страну покинуло почти 2.6 млн чел., 65% потока пришлось на Россию) привели и к снижению абсолютной численности русского населения в 1.75 раза [30]. Миграционные настроения русского населения приграничных регионов редко обсуждаются на официальном уровне, однако приводят к появлению спроса на соответствующие услуги информационно-консультационного и организационного характера. На специальных информационных площадках в сети Интернет можно получить консультацию по вопросам переезда, получить помощь коммерческих компаний

² На этот период пришелся фактически пик русскоязычной миграции.

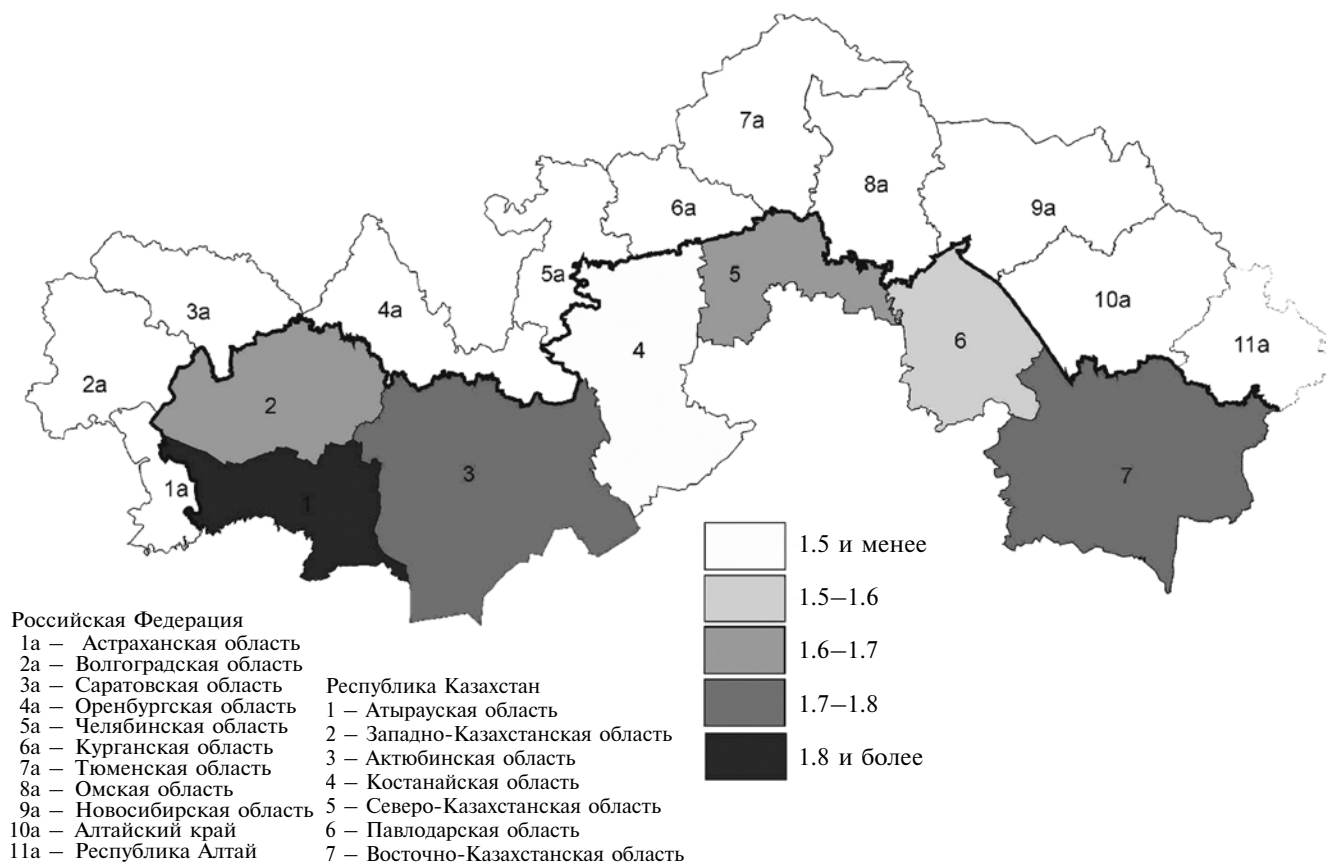

Рис. 1. Сокращение доли русских в приграничных областях Республики Казахстан в период с 1989 по 2016 г., раз. Составлено автором.

(в сборе необходимых документов, организации трансграничных перевозок и пр.). Аналогичные услуги консультационного и организационного характера часто можно получить и в русских культурных центрах в областных столицах и других наиболее крупных городах пограничья. Негласные ограничения на общественно-политическую деятельность для русских казахстанцев делают разного рода русские национальные автономии, дома русской культуры и другие организации этнических русских проводниками для отъезда соотечественников в Россию.

Изменению этнического состава населения казахстанской части приграничья способствует также реализуемая правительством политика по переселению “возращенцев” (оралманов)³ и политика переселения населения из южных регионов в северные⁴.

³ Оралманы – иностранцы или лица без гражданства казахской национальности, постоянно проживающие на момент приобретения суверенитета РК за ее пределами и прибывшие в Казахстан с целью постоянного проживания (источник: http://egov.kz/cms/ru/articles/oralman_rights_conditions).

⁴ Программа развития продуктивной занятости и массового предпринимательства на 2017–2021 гг.

Можно предположить, что быстрое изменение состава населения приграничья в долгосрочной перспективе приведет к утрате роли социальных факторов взаимной мобильности населения (поездки к родственникам, друзьям, могилам родственников по ту сторону границы) и как следствие к снижению “плотности” неформальных пограничных контактов.

Культурное пространство российско-казахстанского приграничья: вызовы для сотрудничества. Важнейшим фактором интеграции и приграничного сотрудничества России и Казахстана является единое социокультурное и информационное пространство, сформировавшееся в приграничье. В первую очередь, это проявляется в повсеместном использовании русского языка.

Во-первых, русский язык в Казахстане выполняет функцию языка межнационального общения, объединяя не только проживающих совместно русских и казахов, но и другие народы – украинцев, белорусов, немцев, татар и др. В общественно-политической жизни государства русский язык используется наравне с казахским, что закреплено соответствующей нормативной базой. При этом по числу владеющих

им жителей русский язык намного превосходит официальный государственный.

Во-вторых, русский язык обеспечивает устойчивое функционирование единого информационного и культурного пространства пограничья. Здесь принимают не только казахстанские, но и большинство российских федеральных телеканалов, которые, опираясь на большие рекламные сборы, выпускают более конкурентоспособный контент. Большинство ресурсов Интернета также либо двуязычны, либо полностью представлены на русском языке, поскольку казахстанская аудитория предпочитает использовать русскоязычную информацию. Кроме того, русский язык для казахстанцев дает возможность окунуться в многообразие иностранной литературы, которая гораздо чаще переводится на русский, чем на казахский [31].

В-третьих, русский язык является основой для коммуникаций в бизнесе. Практически все казахстанские компании ведут и публикуют отчетность не только на казахском, но и на русском языке.

В силу особенностей этнического состава населения роль русского языка естественным образом особенно велика в приграничных с Россией регионах Казахстана. Президент республики Н. Назарбаев неоднократно указывал на недопустимость ущемления русского языка, а сохранение особой роли русского языка рассматривается властями страны в качестве важнейшего элемента, препятствующего формированию в российско-казахстанском пограничье “цивилизационного разлома”. Однако чрезмерно тесные трансграничные связи зачастую не поощрялись казахстанскими властями, поскольку такая кооперация теоретически могла “привести к отторжению территории Северного Казахстана в пользу России” [10]. Поэтому нараставшие с начала 1990-х годов процессы планомерной “казахизации” всех сторон общественной жизни в той или иной степени затронули и приграничные с Россией регионы, где доля нетитульного населения по-прежнему высока [2]. Так, в 1990-е—первую половину 2000-х годов здесь прокатилась волна переименований, выражавшаяся в десоветизации и подспудной дерусификации географических названий, затронувшая большую часть городов и районов. Однако она все же не привела к полной смене топонимического ландшафта. Активная политика по расширению сферы применения казахского языка также не оказала пока существенного влияния на культурную значимость и распространенность русского языка на севере Казахстана, где он остается языком повседневного общения [4].

Гораздо больших успехов удалось добиться в вопросе “казахизации” административной элиты казахстанских приграничных регионов. По оценке казахстанских специалистов, традиции использования клановых связей в качестве социального лифта “позволяют казахам численно доминировать в политической системе и государственном аппарате как в центре, так и на местах, даже в тех регионах, где казахский этнос не составляет большинства населения” [17].

События, произошедшие в 2014 г. в Крыму и на юго-востоке Украины, актуализировали опасения части казахстанской элиты относительно территориальной целостности своего государства [17]. В последние годы резко интенсифицировалось продвижение казахского языка. Принято решение о его переводе на латинскую графику. По мнению зав. лабораторией лингвистической конфликтологии НИУ ВШЭ М. Кронгауза, причины подобных действий не лингвистические, а скорее политические: “В данном случае выбор латиницы означает сближение с другими тюркскими языками. Прежде всего, это турецкий. И некоторое удаление от цивилизации, использующей кириллицу, то есть от России” [9].

Грядущий отказ от кириллицы в Казахстане, наряду с другими факторами социального и культурного давления, — один из основных мотивов эмиграции русскоязычных жителей в Россию, а это, в свою очередь, создает условия для дальнейшей эрозии единого культурного пространства в приграничье [3, 14].

Еще одним ударом по единому культурному пространству стали поправки к закону “О радиовещании”, призванные ограничить влияние иностранных телеканалов, в первую очередь, российских, как наиболее популярных. Эти поправки предполагают полный запрет распространения рекламы на ретранслируемых телеканалах (вступили в силу с 01.01.2016 г.) [18]. Ожидается, что подобные меры приведут к прекращению вещания российских телеканалов через казахстанские кабельные сети.

Таким образом, принимаемые центральными и региональными властями Казахстана меры в целом направлены на постепенное формирование новой “казахстанской” идентичности и способствуют постепенной эрозии единого культурного и информационного пространства двух стран. В долгосрочной перспективе это может негативно сказаться и на экономическом сотрудничестве, углубление которого рассматривается как одна из важнейших задач евразийской интеграции [21].

Снижение экономического потенциала российско-казахстанского пограничья как вызов сотрудничеству. Углубление экономического со-

трудничества – важная составляющая современных интеграционных процессов в постсоветском пространстве. Интенсификация связей приграничных регионов стран-соседей также обычно рассматривается региональными властями как залог их социально-экономического благополучия.

Экономический потенциал российско-казахстанского пограничья, измеряемый в показателях ВРП (по ППС), в 2014 г.⁵ превысил 501 млрд долл. США, что сопоставимо с ВВП таких европейских стран, как Швеция или

Бельгия. При этом почти 70% экономического потенциала приходится на российские регионы и около 30% – на казахстанские [27, 28].

Приграничные регионы России и Казахстана имеют большое значение для экономик обоих государств. Однако если регионы казахстанского пограничья формируют 36% совокупного ВРП всей страны, то доля российской части приграничья (без учета автономных округов Тюменской области) в экономике России скромнее – 12% (табл. 1).

Таблица 1. Экономический потенциал российско-казахстанского пограничья в 2014 г.

Территория	ВРП по ППС, млн долл. США	Доля в ВРП своей страны, %	Доля в общем ВРП пограничья обеих стран, %	Душевой ВРП по ППС, долл.	Душевой ВРП региона относительно общестранового, %
Регионы российского пограничья	344616	12.5	68.7	13755	124
Астраханская область	13578.0	0.49	2.71	13326.0	70.3
Волгоградская область	33602.0	1.21	6.70	13109.0	69.2
Саратовская область	26422.0	0.95	5.27	10590.0	55.9
Самарская область	541133.0	1.96	10.80	16853.0	89.0
Оренбургская область	34365.0	1.24	6.85	17141.0	90.5
Челябинская область	46657.0	1.69	9.31	13354.0	70.5
Курганская область	7939.0	0.29	1.58	9089.0	48.0
Тюменская область (без округов)	348815.0	1.26	6.94	24529.0	129.5
Омская область	281144.0	1.02	5.61	14242.0	75.2
Новосибирская область	42071.0	1.52	8.39	15360.0	81.1
Алтайский край	21048.0	0.07	0.37	8815.0	45.6
Республика Алтай	1839.0	0.76	4.20	8647.0	46.5
Регионы казахстанского пограничья	156718	36.5	31.3	30941	72.6
Атырауская область	46997	10.9	9.4	81778	329
Западно-Казахстанская	21521	5.0	4.3	34322	138
Актюбинская область	20856	4.9	4.2	25563	103
Костанайская область	15103	3.5	3.0	17139	69
Северо-Казахстанская область	8614	2.0	1.7	15006	60
Павлодарская область	18912	4.4	3.8	25065	101
Восточно-Казахстанская область	24715	5.8	4.9	17713	71

Источник: рассчитано автором по [27, 28].

В советские годы российско-казахстанское пограничье развивалось в рамках единого народнохозяйственного комплекса. Распад СССР и трансформационные процессы в 1990-е годы привели к разрыву производственных свя-

зей, упрощению производственной структуры экономики всех регионов приграничья обоих государств, причем с казахстанской стороны этот процесс был выражен сильнее. За деиндустриализацией и упадком передовых отраслей промышленности последовало бурное развитие сырьевых производств, особенно в энергетическом секторе.

⁵ Последний учетный год, на который доступны сопоставимые данные.

Однако современное состояние экономических связей приграничных регионов России и Казахстана вызывает беспокойство, которое, в первую очередь, выражается в сжатии экономического взаимодействия на межрегиональном уровне.

Несмотря на распад некогда единого хозяйственного механизма, промышленно-производственные связи остаются одной из основных составляющих трансграничных взаимодействий российско-казахстанского пограничья [21].

Наиболее интенсивные связи сложились в *топливно-энергетическом комплексе*. Ярким примером может служить *переработка газа* с Карачаганакского месторождения на Оренбургском газоперерабатывающем заводе (ОГПЗ). Казахстанскими властями неоднократно поднимался вопрос о строительстве собственного ОГПЗ на месторождении Карачаганак, однако от этого проекта решено было отказаться в первую очередь исходя из экономических соображений, поскольку модернизировать производство на ОГПЗ оказалось дешевле. С другой стороны, правительственный дискурс о необходимости строительства ОГПЗ позволил казахстанской стороне продавать газ по более приемлемым для себя ценам.

В 2006 г. в Уральске было подписано межправительственное российско-казахстанское соглашение о создании совместного предприятия “КазРосГаз”, которое закупает сырой газ Карачаганакского месторождения и перерабатывает его на мощностях ОГПЗ. При этом сухой газ в необходимом объеме направляется на внутренний рынок Казахстана, а оставшаяся часть реализуется по экспортным контрактам [24]. Обеспечение поставок казахстанского газа на ОГПЗ не только взаимовыгодно с экономической точки зрения, но и служит примером того, что, несмотря на разные подходы к цене на газ, стороны оказались готовы к поиску компромисса и взаимовыгодному сотрудничеству. Данный проект сотрудничества неоднократно упоминался представителями органов региональной власти как один из наиболее успешных.

Взаимодействие *в нефтяном секторе*, наоборот, связано с переработкой российской нефти на Павлодарском НПЗ в Казахстане и расположенном на юге страны НПЗ в Шымкенте. Павлодарский завод был спроектирован для переработки нефти с месторождений Западной Сибири. Распад СССР и связанные с этим перебои с поставками сырья приводили к неоднократным остановкам производства, однако во второй половине 2000-х годов удалось договориться о бесперебойных поставках нефти из России по “схеме замещения”. Этот подход предполагает, что в обмен на поставлен-

ную Россией нефть Казахстан предоставляет России права на эквивалентные объемы нефти, находящиеся в трубопроводах Казахстана. Так, в 2014–2016 гг. казахстанская сторона предоставляла России около 5 млн т нефти ежегодно на границе Казахстана и Китая в экспортном трубопроводе Атасу-Алашанькоу, выполняя, таким образом, часть российских экспортных обязательств перед этой страной. Таким образом, межгосударственные договоренности обеспечили приемлемый и взаимовыгодный подход в решении проблем приграничья.

Казахстан в свою очередь осуществляет поставки нефти на перерабатывающие предприятия Самарской и Оренбургской областей [19].

Стремясь обеспечить энергетическую безопасность страны, власти Казахстана и подконтрольные им государственные компании строят планы по модернизации существующих НПЗ и увеличению производства светлых нефтепродуктов. Однако на фоне трехкратного роста добычи за постсоветский период, совокупный объем переработки нефти вырос незначительно, а качество производимого топлива по-прежнему остается недостаточно высоким. Недостаток продуктов нефтепереработки покрывается импортом из России. Предполагается, что даже в случае реализации масштабных планов по реконструкции существующих НПЗ, российские горюче-смазочные материалы будут востребованы, по крайней мере, в приграничных с Россией областях Казахстана [16].

Для *электроэнергетики* также характерна взаимная зависимость, оставшаяся в качестве советского наследия. В 1990-е годы низкая стоимость экибастузского угля позволила сохранить его поставки на некоторые электростанции Урала и Сибири, хотя часть из них (Красногорская, Нижнетуринская и Богословская) все-таки были переведены на российские газ и мазут. Причины перехода были обусловлены не только экономическими соображениями, но и подкреплены решением стратегической задачи – обеспечением собственной энергетической безопасности за счет национальных ресурсов. В настоящее время уголь, добываемый на месторождении “Богатырь” (Экибастуз, Павлодарская область), продолжает использоваться на пяти российских ТЭЦ и ГРЭС, расположенных в Свердловской и приграничных Омской и Челябинской областях. После 2014 г. девальвация рубля вызвала сложности во взаиморасчетах с казахстанской стороной, что неожиданно активизировало дискуссию об энергетической безопасности пограничья.

Так, в утвержденной правительством “Программе развития угольной промышленности РФ на период до 2030 г.” упоминается о возможности замещения экибастузских углей кузнецкими

(Распоряжение Правительства РФ от 21 июня 2014 г. № 1099-р “О Программе развития угольной промышленности РФ на период до 2030 г.”). Эксперты отмечают, что в ближайшей перспективе от угля из Казахстана могут отказаться Серовская и Троицкая ГРЭС, а значит на этом сырье будут работать только Рефтинская ГРЭС и две ТЭЦ города Омска. В общей сложности с 2014 по 2016 гг. ввоз казахстанского угля в Россию сократился почти на 30% [25].

В настоящее время тесные производственные связи связывают и *предприятия металлургического комплекса*. Классический пример — поставки руды с Соколово-Сарбайского месторождения (Костанайская область) на Магнитогорский металлургический комбинат, а также другие предприятия Челябинской и Оренбургской областей [8, 13].

Гораздо менее развиты связи между предприятиями *машиностроения*, доля которого в объеме промышленного производства казахстанского приграничья не превышает 3–4%, в то время как в российских регионах она достигает 10–12% (в Курганской и Самарской областях — соответственно 20 и 35%). Большая часть кооперационных связей в приграничье распалась еще в 1990-е годы, а вместе с ними были остановлены и такие крупные машиностроительные предприятия, как Павлодарский тракторный завод, Петропавловский завод тяжелого машиностроения и др. Потеря гарантированных и платежеспособных покупателей при переходе к рыночной системе и высокая конкуренция со стороны иностранных производителей со временем привели к их закрытию.

Одним из немногих примеров попытки выстроить новую производственную кооперацию является строительство сборочных производств из готовых машинокомплектов на территории Казахстана (“АвтоВАЗ” в Усть-Каменогорске, “КамАЗ-Инжиниринг” в Кокшетау).

Таким образом, ведущую роль в экономических контактах в приграничье по-прежнему играют крупные компании, как правило, добывающего профиля. Сотрудничество крупных предприятий носит преимущественно трансграничный характер и не ограничивается только смежными регионами.

Что же касается малого бизнеса, то в экономических контактах двух стран он практически не представлен. Опрошенные нами в 2014 и 2016 гг. эксперты (представители бизнеса и власти) называли разные причины сложившейся ситуации. Так, по мнению представителей Евразийского банка развития (г. Астана, 2016 г.) малый бизнес сконцентрирован, как правило, в тех отраслях сферы услуг (согласно общероссийскому классификатору видов экономической деятельности),

у которых фактически нет потребности в развитии трансграничных экономических связей — розничная торговля, предоставление социальных услуг и пр. Не менее значимая проблема — недостаточный уровень компетентности бизнесменов, которые зачастую плохо знакомы с быстро меняющимся национальным законодательством и нормативными актами ЕАЭС.

Представители государственных органов с обеих сторон отмечали в качестве значимых проблем сохраняющиеся существенные различия в законодательстве, двойное налогообложение, а также различные нетарифные ограничения, которые порой труднее преодолевать, чем таможенные барьеры [5]. Согласно недавним опросам, проведенным Евразийским банком развития, нетарифные барьеры и ограничения для казахстанских экспортеров в другие страны ЕЭП⁶ наиболее ощутимы и составляют от 16 до 79% в зависимости направления торговли. Существующие барьеры в области трансграничных грузоперевозок между Россией и Казахстаном увеличивают стоимость транспортировки на 10–20% [7].

Представители Торгово-промышленных палат Омской и Оренбургской областей также обращали внимание на ментальные различия и разные практики ведения бизнеса: “Несмотря на декларируемую свободу ведения бизнеса в пределах ЕАЭС, бизнес в Казахстане проще вести, взяв в партнеры кого-нибудь из местных”.⁷

Фактически одним из основных драйверов трансграничного экономического сотрудничества выступает *приграничная торговля*. Для российских граждан, пересекающих границу с Казахстаном для покупки потребительских товаров, первоочередной интерес представляют продукты питания, а также алкогольные напитки, которые пользуются большим спросом во всех регионах российского приграничья. Ввоз казахстанского алкоголя заметно увеличился после 2011 г., когда был отменен таможенный контроль на внутренних границах ЕАЭС. Дальнейший рост потребления в России крепких напитков из Казахстана был связан с быстрым увеличением акцизов на спиртосодержащую продукцию российских производителей. Сложившаяся ситуация стала большим ударом для производителей алкоголя в российских приграничных регионах и одним из непредвиденных последствий экономической интеграции.

Поток жителей Казахстана в Россию для покупки различных товаров меньше, что связано,

⁶ В Казахстане опрос предприятий проводился в апреле–мае 2014 г., в России — в марте–апреле 2014 г.

⁷ Из интервью с представителями Торгово-промышленных палат Омской и Оренбургской областей, 2016–2017 гг.

в первую очередь, с более высоким уровнем цен в РФ. В частности, алкогольная, кондитерская, мясная продукция, топливо (бензин) в России дороже, чем в Казахстане. Кратковременный всплеск потребительской активности жителей Казахстана наблюдался в конце 2014 г., в период резкого падения курса рубля, когда они активно скупали не только продукты питания, но также автомобили, объекты недвижимости и бытовую технику, ювелирные изделия.

Большим спросом пользуются медицинские услуги, оказываемые жителям Казахстана на территории России. Хотя многие областные медицинские центры в Казахстане обеспечены передовым оборудованием, местное население по-прежнему больше доверяет квалификации российских врачей.

Привлекательным остается для казахстанцев и российское образование, причем в вузах не только Москвы и Санкт-Петербурга, но также Новосибирска, Омска, Челябинска, Самары, Волгограда, Барнаула. Чтобы легче поступить в российские университеты, некоторые старшеклассники предпочитают оканчивать школу уже в России. Университеты приграничных российских регионов заинтересованы в наборе “иностранных студентов”, и многие из них присылают в областные центры Казахстана, особенно в Петропавловск, Костанай, Павлодар, специальные комиссии для отбора абитуриентов.

Востребованными в России являются в первую очередь технические специальности. Несмотря на то, что российское образование привлекательно для Казахстана в целом, в приграничных с Россией регионах этот тренд выражен более ярко в силу того, что для русских казахстанцев учеба в России – это еще и возможность остаться в России после окончания учебного заведения, возможность получить престижную работу и более высокий социальный статус. Российские специалисты или специалисты, получившие образование в России, являются ценными кадрами для различных секторов экономики Казахстана, особенно в сфере высокотехнологичных и инновационных производств. Кроме того, широко распространена практика приглашения российских специалистов узкого профиля для осуществления консультаций при налаживании производства новых видов продукции на территории Казахстана.

Туризм также является важной составляющей современных трансграничных поездок граждан двух стран. Признанными среди казахстанцев стали курорты города Соль-Илецк, которые ежегодно привлекают большое количество туристов из Республики Казахстан. Курорты Борового⁸ также привлекательны для туристов из пригра-

ничных с Казахстаном областей России (Омская, Новосибирская и др.). Недостаточное развитие трансграничной инфраструктуры, пограничный контроль и связанные с этим очереди на границе сдерживают развитие туризма.

Заключение. При всей сложности сохранения и развития исторически сложившихся тесных связей российско-казахстанское приграничье во многих отношениях можно рассматривать как положительный пример для других участков постсоветских границ. Евразийская интеграция и связанные с ней казахстанские инициативы сыграли большую роль в установлении добрососедских отношений на этом участке российских границ. Производственные связи между предприятиями, единое культурно-языковое пространство, а также сложившиеся общие системы расселения и транспорта сформировали значительный потенциал для экономической интеграции и приграничного сотрудничества.

Однако благоприятные стартовые условия остаются причиной необоснованного оптимизма у ряда экспертов и акторов по обе стороны границы. Для большинства опрошенных нами представителей областных администраций сам процесс евразийской интеграции уже является залогом будущих позитивных изменений в приграничных регионах. Многим кажется, что укрепление экономических и политических связей на “высшем уровне” автоматически приведет к активизации связей между приграничными регионами. Характерна в этом отношении позиция опрошенных нами в 2016 г. экспертов из МИД Казахстана, которые полагают, что “на фоне евразийской интеграции не требуется специальных мер и программ по развитию приграничного сотрудничества”⁹.

На практике же Россия и Казахстан по-прежнему эксплуатируют общее советское наследие – кооперационные связи между ограниченным числом промышленных предприятий преимущественно сырьевого профиля. Такого рода контакты, однако, не позволяют вовлечь в сотрудничество большое число жителей приграничья и не способствуют росту разнообразных экономических, социальных и культурных связей [10]. При этом наблюдается отчетливое стремление к постепенной автономизации трансграничных производственных цепочек, что создает угрозу потери уже накопленного потенциала сотрудничества. Это противоречит задачам евразийской интеграции, фактором ко-

⁸ Сам курорт расположен в Акмолинской области. Формально область не является приграничной.

⁹ Из интервью с представителями Министерства иностранных дел Республики Казахстан.

торой является создание единой системы кооперационных связей. Это должно обеспечить дополнительный синергетический эффект и послужить стимулом для развития наукоемких отраслей производства, что особенно важно, учитывая схожую специализацию приграничных регионов России и Казахстана.

Геополитические вызовы, связанные с событиями на Украине и последовавшим за ними присоединением Крыма, ухудшением отношений между Россией и Западом, стали серьезным испытанием для евразийской интеграции. Они подталкивают центральные власти обеих стран к принятию мер, направленных на решение часто надуманных и конъюнктурных проблем национальной и региональной безопасности, создают иллюзию неэффективности евразийского проекта. В условиях высоко централизованного управления региональные власти обеих стран, выбирая между интеграционной риторикой и дискурсом о национальной безопасности, зачастую предпочитают избегать излишне тесных приграничных связей с соседями. Особенно это характерно для казахстанской элиты, которая опасается развития событий на севере страны по крымскому сценарию.

Вместе с тем, именно приграничное сотрудничество, направленное на развитие приграничной инфраструктуры, кооперации в экономической и общественной сферах могло бы не только способствовать сохранению уже имеющихся связей, но также стать одной из движущих сил евразийской интеграции.

Финансирование. Статья подготовлена по теме Государственного задания № 0148-2019-0008 (Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности).

Funding. The article is prepared on the government assignment No. 0148-2019-0008 (Problems and Prospects for the Territorial Development of Russia in the Conditions of its Irregularity and Global Instability).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аблажей Н.Н., Бадмажапов Ц.-Б.Б., Болонев Ф.Ф., Веденин Ю.А. и др.* Сибирь. Атлас Азиатской России. М.: Топ-книга, Феория, Дизайн. Информация. Картография, 2007. 864 с.
2. *Алейников М.В.* Ономастические и топонимические изменения в современной Казахстане как проявление политики казахизации // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 2 (45). С. 369–372.
3. *Алексеев А.* Миграции и борьба за городское пространство в независимом Казахстане // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков / науч. ред. В.И. Дятлов. Иркутск: Оттиск, 2012. С. 371–401.
4. *Алтынбекова О.Б.* Миграция в Казахстане: новый статус русского языка // Демоскоп. 2006. URL. <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit05.php>
5. Барьеры, изъятия и ограничения Евразийского экономического союза. Доклад. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2016. 43 с. URL. <https://barriers.eaeunion.org/api/info/document/38/file>.
6. *Вардомский Л.Б.* Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Книжный дом “ЛИБРОКОМ”, 2009. 216 с.
7. *Винокуров Е.Ю., Демиденко М.В., Пелинась И.В. и др.* Оценка влияния нетарифных барьеров в ЕАЭС: результаты опросов предприятий. Доклад № 30. СПб.: ЕАБР, 2015. 96 с.
8. *Галютдинова А.* Плюсы от разности // Эксперт Урал. 2014. №22 (602). URL. <http://expert.ru/ural/2014/22/plyusyi-ot-raznosti/>
9. *Гаранин Г.* Латиница в Казахстане: история и перспективы. ИА REGNUM, 2017. URL. <https://regnum.ru/news/polit/2262196.html> (Дата обращения: 12.04.2017).
10. *Голунов С.В.* Приграничное сотрудничество России и Казахстана: проблемы и пути развития // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 6. С. 84–91.
11. *Голунов С.В.* Российско-казахстанская граница: проблемы безопасности и международного сотрудничества / науч. ред. Л.Б. Вардомский. Волгоград: Центр региональных и трансграничных исследований, 2005. 422 с.
12. Евразийские интеграционные проекты в восприятии постсоветских стран и Китая / под общ. ред. Е.М. Кузьминой. М: ИЭ РАН, 2013. 226 с.
13. *Жундубаев М.К.* Приграничное сотрудничество между Республикой Казахстан и Российской Федерацией на современном этапе: характер развития, проблемы и перспективы: автореф. дис. ... канд. полит. наук, М., 2014.
14. *Золотухин С.А.* Особенности адаптации русских в Казахстане // Социс. Социологические исследования. 2012. № 2. С. 99–103.
15. *Иванов В.Н., Жундубаев М.К.* Межрегиональное и приграничное сотрудничество России и Казахстана: основные приоритеты // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 7. С. 38–51.
16. Интервью Министра энергетики Республики Казахстан К. Бозумбаева для Интернет-ресурса “Tengrinews.kz”. URL. <https://www.youtube.com/watch?v=y6OKB4NYzR0>
17. *Кадыржанов Р.* Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. 168 с.
18. Как изменения в Законе “О телерадиовещании” влияют на казахстанские телеканалы. 2015. URL. <https://www.nur.kz/963441-kak-izmeneniya-v-zakone-o-teleradiove.html> (Дата обращения: 16.05.2016).
19. *Калинин А.Е.* Основные аспекты сотрудничества Оренбургской области с Казахстаном на

- современном этапе. Доклад на Международной науч.-практ. конф. “Межрегиональное сотрудничество приграничных регионов России и Казахстана” (Оренбург, 2016). URL. <http://evrazia-ural.ru/node/osnovnye-aspekty-sotrudnichestva-orenburgskoy-oblasti-s-kazahstanom-na-sovremennom-etape>
20. Колосов В.А., Зотова М.В., Себенцов А.Б. Барьерная функция российских границ // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 5. С. 8–20.
 21. Лимонов Л.Э., Ракишева Б.И., Анисимов А.М. и др. Таможенный союз и приграничное сотрудничество Казахстана и России. Доклад № 7. Спб.: ЕАБР, 2012. 56 с.
 22. Муратова С.Р. Географическое описание Тоболо-Ишимской линии // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 36. URL. <http://cyberleninka.ru/article/n/geograficheskoe-opisanie-tobolo-ishimskoy-linii>
 23. Муратова С.Р. Географическое описание Иртышской линии // Вестн. Том. ун-та. 2013. № 373. URL. <http://cyberleninka.ru/article/n/geograficheskoe-opisanie-irtyshskoy-linii>.
 24. Официальный сайт компании “Казроsgаз”. URL. <http://kazrosgas.org/rus/o-kompanii/istoriya/> (Дата обращения: 20.03.2016).
 25. Попова М. Россия медленно перекрывает Казахстану уголь. 2016. Интернет-портал АБС TV.kz. URL. <http://www.abctv.kz/ru/news/rossiya-medlenno-perekryvaet-kazahstanu-ugol> (Дата обращения: 20.11.2016).
 26. Регионализация внешнеэкономических связей в России и соседних странах: Сб. / отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. М.: ИЭ РАН, 2014. 175 с.
 27. Регионы Казахстана в 2015 году / Стат. ежегодник на казахском и русском языках. Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики. 456 с.
 28. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Р32 / Стат. сб. Росстат. М., 2016. 1326 с.
 29. Российско-Казахстанский трансграничный регион: история, геоэкология и устойчивое развитие. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 216 с.
 30. Садовская Е.Ю. Миграции в Казахстане на рубеже XXI века: новые тенденции и перспективы. Алма-Ата, 2001. 260 с.
 31. Султангалиев А. Казахстан и его соседи: возможности и ограничения. Доклад. Астана-Алматы: Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента Республики Казахстан-Лидера нации, 2016. 35 с.
 3. Alekseenko A. Migration and the struggle for urban space in independent Kazakhstan. In *Mestnye soobshchestva, mestnaya vlast' i migranty v Sibiri na rubezhah XIX–XX i XX–XXI vekov* [Local Communities, Local Government and Migrants in Siberia at the Turnof the XIX–XX and XX–XXI Centuries]. Dyatlov V.I., Ed. Irkutsk: Ottisk Publ., 2012, pp. 371–401. (In Russ.).
 4. Altynbekova O.B. Migration in Kazakhstan: the new status of the Russian language. *Demoscope Weekly*, 2006, no. 251–252. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/analit05.php> (accessed 08.11.2018). (In Russ.).
 5. *Bar'ery, iz'yatiya i ogranicheniya Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza* [Barriers, Exemptions and Restrictions of the Eurasian Economic Union]. Moscow: Evraziiskaya Ekonomicheskaya Komissiya, 2016. 43 p. Available at: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/internal_market/Documents/Доклад%20барьеры,%20изъятия%20и%20ограничения%20Евразийского%20экономического%20союза.pdf (accessed 08.11.2018). (In Russ.).
 6. Vardomsky L.B. *Rossiiskoe porubezh'e v usloviyakh globalizatsii* [Russian Borderlands in the Context of Globalization]. Moscow: LIBROKOM Publ., 2009. 212 p.
 7. Vinokurov E.Yu., et al. *Otsenka vliyaniya netarifnykh bar'erov v EAES: rezul'taty oprosov predpriyatii* [Assessment of the Impact of Non-tariff Barriers in the EAEC: Results of Surveys of Enterprises]. St. Petersburg: TsII EABR, 2015. 96 p.
 8. Galyautdinova A. Advantages of the difference. *Ekspert Ural*, 2014, no. 22 (602). Available at: <http://expert.ru/ural/2014/22/plyusyi-ot-raznosti/> (accessed 08.11.2018). (In Russ.).
 9. Garanin G. *Latinitsa v Kazakhstane: istoriya i perspektivy* [Latin in Kazakhstan: History and Prospects]. Available at: <https://regnum.ru/news/polit/2262196.html> (accessed 12.04.2017).
 10. Golunov S.V. Cross-border cooperation of Russia and Kazakhstan: problems and ways of development. *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 2009, no. 6, pp. 84–91. (In Russ.).
 11. Golunov S.V. *Rossiisko-kazahstanskaya granitsa: problemy bezopasnosti i mezhdunarodnogo sotrudnichestva* [Russia-Kazakhstan Border: Security and International Cooperation Issues]. Volgograd: Tsentr Reg. i Transgranichnykh Issled., 2005. 422 p.
 12. *Evraziiskie integratsionnye proekty v vospriyatii postsovetskikh stran i Kitaya* [Eurasian Integration Projects in the Perception of Post-Soviet Countries and Chin]. Kuz'mina E.M., Ed. Moscow: Inst. Ekonomiki RAN, 2013. 226 p.
 13. Zhundubaev M.K. Cross-border cooperation between the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation at the present time: the nature of development, problems and prospects. Cand. Sci. (Geogr.) Dissertation. Moscow: Moscow State Univ., 2014. 241 p.
 14. Zolotukhin S.A. Features of Russians adaptation in Kazakhstan. *Sotsis. Sotsiologicheskie Issled.*, 2012, no. 2, pp. 99–103. (In Russ.).

REFERENCES

1. Ablazhei N.N., Badmazhapov Ts.-B.B., Bolonev F.F., Vedenin Yu.A., et al. *Sibir'. Atlas Aziatskoi Rossii* [Siberia. Atlas of Asian Russia]. Moscow: Top-kniga, Feoriya, Dizain. Informatsiya. Kartografiya Publ., 2007. 864 p.
2. Aleinikov M.V. Onomastic and toponymic changes in the modern Kazakhstan as manifestation of the “kazakhization” policy. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, 2014, no. 2 (45), pp. 369–372. (In Russ.).

15. Ivanov V.N., Zhundubaev M.K. Interregional and cross-border cooperation between Russia and Kazakhstan: key priorities. *Natsional'nye Interesy: Priorityty i Bezopasnost'*, 2015, no. 7, pp. 38–51. (In Russ.).
16. *Interv'yu Ministra energetiki Respubliki Kazakhstan K. Bozumbaeva dlya Internet-resursa "Tengrinews.kz"* [Interview of the Minister of Energy of the Republic of Kazakhstan K. Bozumbayev for "Tengrinews.kz"]. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=y6OKB4NYzR0> (accessed 12.04.2017).
17. Kadyrzhhanov R. *Etnokul'turnyi simvolizm i natsional'naya identichnost' Kazakhstana* [Ethnocultural Symbolism and National Identity of Kazakhstan]. Almaty: Inst. Filosofii, Politologii i Religiovedeniya KN MON RK, 2014. 168 p.
18. *Kak izmeneniya v Zakone "O teleradioveshchaniy" povliyayut na kazhastanskie telekanaly* [How Changes in the Law "On Television and Radio Broadcasting" will Affect Kazakhstan TV Channels]. 2015. Available at: <https://www.nur.kz/963441-kak-izmeneniya-v-zakone-o-teleradiove.html> (accessed 08.11.2018).
19. Kalinin A.E. The main aspects of cooperation of the Orenburg region with Kazakhstan at the present stage. *Doklady Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Mezhregional'noe sotrudnichestvo prigranichnykh regionov Rossii i Kazahstana"* [Proc. Int. Scientific Conf. 'Interregional Cooperation of Russia-Kazakhstan Border Regions']. Orenburg, 2016. Available at: <http://evrazia-ural.ru/node/osnovnye-aspekty-sotrudnichestva-orenburgskoy-oblasti-s-kazahstanom-na-sovremennom-etape> (accessed 08.11.2018). (In Russ.).
20. Kolosov V.A., Zotova M.V., Sebentsov A.B. Barrier function of Russian borders. *Reg. Res. Russ.*, 2016, vol. 6, no. 4, pp. 387–397..
21. Limonov L.E., Rakisheva B.I., Anisimov A.M. et al. *Tamozhennyi soyuz i prigranichnoe sotrudnichestvo Kazakhstana i Rossii* [Customs Union and Cross-border Cooperation of Kazakhstan and Russia]. St. Petersburg: EABR, 2012. 56 p.
22. Muratova S.R. Geographical description of the Tobol-Ishim line. *Izv. RGPU im. A.I. Gertsena*, 2007, no. 36, pp. 86–91. (In Russ.).
23. Muratova S.R. Geographical description of the Irtysh line. *Vestn. Tomskogo Gos. Univ.*, 2013, no. 373, pp. 108–114. (In Russ.).
24. "Kazrosgaz" Official Website. Available at: <http://kazrosgaz.org/rus/o-kompanii/istoriya> (accessed 20.03.2016).
25. Popova M. *Rossiya medlenno perekryvaet Kazakhstanu ugol'* [Russia Slowly Blocks Coal to Kazakhstan]. Available at: <http://www.abctv.kz/ru/news/rossiya-medlenno-perekryvaet-kazahstanu-ugol> (accessed 20.11.2016).
26. *Regionalizatsiya vneshneekonomicheskikh svyazei v Rossii i sosednikh stranakh* [Regionalization of Foreign Economic Relations in Russia and Neighboring Countries]. Vardomsky L.B., Pylin A.G., Eds. Moscow: Inst. Ekonomiki RAN, 2014. 175 p.
27. *Regiony Kazakhstana v 2015 godu: Statisticheskii ezhegodnik* [Regions of Kazakhstan in 2015: Statistical Yearbook]. Astana: Ministerstvo Natsional'noi Ekonomiki Respubliki Kazakhstan. 456 p.
28. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli* [Regions of Russia: Socio-Economic Indicators]. Moscow: Rosstat, 2016. 1326 p.
29. *Rossiisko-Kazakhstanskii transgranichnyi region: istoriya, geoekologiya i ustoichivoe razvitie* [Russian-Kazakhstan Transboundary Region: History, Geoecology and Sustainable Development]. Ekaterinburg: UrO RAN, 2011. 216 p.
30. Sadovskaya E.Yu. *Migratsii v Kazakhstane na rubezhe XXI veka: novye tendentsii i perspektivy* [Migration in Kazakhstan at the Turn of the 21st Century: New Trends and Prospects]. Alma-Ata: Falim Publ., 2001. 260 p.
31. Sultangaliev A. *Kazakhstan i ego sosedi: vozmozhnosti i ogranicheniya* [Kazakhstan and its Neighbors: Opportunities and Limitations]. Astana, Almaty: Inst. Mirovoi Ekonomiki i Politiki pri Fonde Pervogo Prezidenta Respubliki Kazakhstan-Lidera Natsii, 2016. 35 p.

Cross-Border Dimension of Eurasian Integration of Russia and Kazakhstan: Challenges for Cooperation

M. S. Karpenko

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: mike.ck@yandex.ru

Received February 19, 2018; revised August 09, 2018; accepted September 21, 2018

In the article, the challenges for cross-border cooperation in the case of the Russian – Kazakhstan borderland region are characterized based on the analysis of the demographic, sociocultural and economic potential. The article shows that, despite tangible success of Eurasian integration, on the regional level the potential of the cooperation has been decreased. Demographic processes and the politics of “kazakhization” become the reason for the erosion of the common information and sociocultural space, which could have been become a driver for integration processes at the regional level. The cooperation in the economic field is limited by the exploitation of the Soviet legacy – cooperation ties between limited number of industrial enterprises in raw materials area. Cross-border trade is one of the main drivers of modern economic relations. The geopolitical challenges related with the events in Ukraine have intensified the negative trends in the cross-border cooperation, which become a real test for the Eurasian integration. These factors have a significant impact on the processes of cross-border cooperation, in some cases contributing to the further divergence of the socio-economic and socio-cultural space in the Russian-Kazakhstan borderland.

Keywords: cross-border cooperation, challenges, Russia, Kazakhstan, Eurasian economic union, integration, border, potential, economic cooperation.